

References:

- Barth F. *Vvedenie. Etnicheskie grupy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, pp. 9–48.
- Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia*. Moscow: Medium, 1995.
- Bourdieu P. Identichnost' i reprezentatsiia: elementy kriticheskoi refleksii idei "regiona". *Ab imperio*, 2002, no. 2, pp. 45–61.
- Giddens A. *Elementy teorii strukturatsii. Sovremennaia sotsial'naiia teoriia: Bourdieu, Giddens, Habermas*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1995, pp. 41–80.
- Khodzhaeva E.A. Religioznost' musul'manskoi molodezhi v perspektive kolichestvennogo i kachestvennogo issledovaniia. *Etnosotsiologiia v Tatarstane: opyt polevykh issledovanii*. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013, pp. 293–313.
- Khodzhaeva E. Zur muslimischen Identität von Jugendlichen in der Republik Tatarstan (Russische Föderation) in den 2000er Jahren. *Arbeitspapiere der Forschungsstelle Osteuropa*. Bremen: Universität Bremen, 2010, p. 46.
- Makarova G.I. Politika aktualizatsii etnokul'turnykh razlichii v otsenke russkimi Respubliki Tatarstan. *Etnicheskoe samosoznanie i krosskul'turnoe vzaimodeistvie narodov Povolzh'ia*. Kazan': Novoe znanie, 2003, pp. 110–112.
- Makarova G.I. *Identichnosti tatar i russkikh v kontekste etnokul'turnoi politiki Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Tatarstan*. Kazan': Kazanskii universitet, 2010.
- Mamontova N.N. Problemy izucheniia traditsionnykh form kul'tury i poniatie "narodnoe iskusstvo". *Nauchnye chteniia pamiati V.M. Vasilenko*, vol. 1. Moscow, 1997, pp. 112–117.
- Mukharlamova L.M. *Fenomen natsional'noi shkoly v sotsiologicheskikh rakursakh*. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2008.
- Strauss A., Corbin J. *Osnovy kachestvennogo sledovaniia: obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki*. Moscow: Editorial URSS, 2001.
- Tishkov V.A. Identichnost' i kul'turnye granitsy. *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh*. Eds. M.B. Olcott, V. Tishkov, and A. Malashenko. Moscow: Moskovskii Tsentri Carnegi, 1997, pp. 15–43.
- Urazmanova R.K. "Musul'manskii" obriady v bytu tatar. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2009, no. 1, pp. 13–26.

ЭО, 2015 г., № 1

© Д.С. Кривонос

**ЖИЗНЬ ПОСЛЕ “НАШИХ”:
АВТОНОМИЯ, ЛОЯЛЬНОСТЬ И ИСКРЕННОСТЬ
В МОЛОДЕЖНОМ ДВИЖЕНИИ “СТАЛЬ”**

Ключевые слова: молодежный активизм, молодежные движения, образовательный форум “Селигер”, “Наши”, патриотизм, гражданская активность молодежи

Статья посвящена анализу отношений молодежи и власти на примере молодежного движения “Сталь”. За основу взяты интервью с участниками движения и включенное наблюдение на образовательном форуме “Селигер” и политических акциях проекта. Автор делает вывод, что несмотря на необходимость демонстрации лояльности государству, молодые активисты активно переопределяют нормативные значения патриотизма, сопротивляются стигме “нашиста” и вырабатывают личные стратегии оправдания провластного активизма.

Понятия “патриотизм”, “любовь к родине”, “активная гражданская позиция” в последнее десятилетие стали ключевыми составляющими нормативного портрета российской молодежи. Созданное в 2005 году движение “Наши”, известный бренд в области проправительственного молодежного активизма, представляет собой пример того, как власти с помощью мощных административных и бизнес-ресурсов пытались внедрить эти нормы в повседневность и мораль молодых людей. Отличительными чертами движения были массовые акции в поддержку действующей власти, в которых участвовала молодежь со всей России. В 2008 году проект распался, положив начало деятельности других молодежных движений Росмолодежи, формально продолживших начинания “Наших”. “Сталь” – один из таких проектов “молодежного партстроительства”.

Организация проекта “Сталь” носит ситуативный характер. О его создании было заявлено на III съезде “Наших” в декабре 2007 года, однако в связи с сокращением численности “Наших” в начале 2008 года он на протяжении трех с половиной лет насчитывал небольшое количество участников и был малозаметным на молодежных политических сценах. Изначальная концепция проекта основана на «осмыслении самого понятия “патриотизм”» и “создании устойчивого позитивного образа России” (Молодежное патриотическое движение “Сталь”). Активизация “Стали” произошла во второй половине 2011 года в связи с приближающимися парламентскими и президентскими выборами. Несмотря на то, что в 2012 году проект официально был закрыт, его анализ позволит понять модель отношений государства и молодежи в сфере сегодняшней проправительственной молодежной политики.

Характер взаимодействия молодежи с “патриотической мифологией” ярче всего проявляется на примере биографий и нарративов самих участников проекта. Такая оптика исследования обусловлена тем, что в публичном дискурсе взгляд на политическое движение направляется “сверху вниз”, что превращает “Сталь” исключительно в объект политических амбиций и ресурс власти. Множественные стратегии построения политических и гражданских карьер, личные мотивации участников движения – все это, как правило, остается в тени громких политических акций и за пределами исследовательских интересов социологов. Общественное давление, которое оппозиционеры и независимые СМИ оказывали на движение “Сталь”, превратило открытую поддержку власти в рамках движения в своеобразный вызов. Рефлексии участников по поводу маргинализации образа “нашиста”, сопротивление стигматизации, поддержание автономии, разграничение личных, коллективных и политических интересов представляли для меня особый исследовательский интерес.

В основе исследования лежат десять глубинных интервью с участниками движения и включенное наблюдение. Событиями для наблюдения стали собрания, федеральные и региональные акции движения, такие как велопробег по “Дороге жизни”, посвященный памяти жертв Великой Отечественной войны, акция 4 марта 2012 года в Москве в поддержку Путина в качестве нового президента и ежегодный всероссийский образовательный форум “Селигер”, где я находилась как участник в течение десяти дней. Информантами выступили юноши и девушки от 18 до 23 лет с разным “стажем” и степенью включенности в проект: от единичного участия в акциях до руководства отдельным направлением в движении. Сбор эмпирического материала осуществлялся с марта по август 2012 года.

Позиция исследователя и специфика поля

Нахождение в коллективе, в том числе общие телесные практики, как, например, велопробег, многочленные митинги на площадях или жизнь на “Селигере”, является одной из ключевых составляющих участия в проекте. Опыт повседневности политического активизма через включенное наблюдение позволил “телесно” ощутить

активизм “Стали” и понять существующие иерархии, разграничение частного и публичного, внешнее отношение к активизму, роли внутри коллектива. Ключевую роль в исследовании сыграло и отсутствие возрастной дистанции между мной и активистами, что устранило иерархии в модели “исследователь – информант”. В интервью меня интересовали такие темы, как включение в движение, режимы дружбы и близости в коллективе, взаимоотношения с властью, отношение к понятию “патриотизм” и историческому прошлому страны, карьерные стратегии внутри и вне проекта.

В статье я обращаюсь к историям как “рядовых” участников проекта, так и комиссаров, и лидеров движения. Последние, как правило, обладают большим знанием о “Стали” в силу длительности участия и интенсивности вовлеченности, поэтому при выборе кейсов для анализа я в основном ссылаюсь на лидеров движения: комиссаров и участников, руководящих собственными гражданскими проектами. Кроме того, в нарративах участников история “Стали” тесно переплетается с “Нашими”: порой активисты, включившиеся в “Наши” до образования “Стали”, рассматривают оба проекта как взаимозаменяемые и синонимичные понятия. А участники-активисты, включившиеся в проект после 2007 года, могут обладать небольшим и поверхностным знанием о “Наших” и рассматривать “Сталь” как независимое движение. Поэтому в статье я ссылаюсь на “Наших” в тех местах, где для участников исследования истории двух движений тесно переплетаются.

Особенностью общения с участниками “Стали” была необходимость создания доверительной атмосферы: так, например, во время интервью активисты с настороженностью относились к записи беседы на диктофон. Социолог как фигура порой отождествлялся с замаскированным журналистом, чьей целью является добыча компрометирующих сведений о движении с целью огласки и создания негативного образа “нашиста”. Поэтому включенное наблюдение и разделение с участниками движения их повседневности сыграли ключевую роль в построении доверительных отношений с информантами; позволили включиться в категорию “своих” и, как следствие, получить доступ к внутренним взаимодействиям и конфликтам.

Важно также отметить, что во время полевой работы и анализа мне как исследователю было важно дистанцироваться от собственных политических позиций и рассматривать молодежное движение как феномен, требующий критического осмысления. В то же время, отсутствие возрастных различий с участниками проекта вызвало у меня не только аналитические, но и этические вопросы: смогла бы я, как и они, стать активисткой “Наших” или “Стали”? Зачастую мне приходилось сталкиваться с негативной реакцией окружения на мою включенность в проект даже на уровне исследователя, поэтому важной составляющей исследования стала эмоциональная работа в поле. Во многом личное переживание своей маргинальной позиции участника “Стали” (хоть и временного) послужило импульсом к изучению тактик сопротивления публичному образу “нашиста” у участников проекта. На первых этапах полевого исследования влиться в коллектив было довольно сложно, но причиной тому являлось, скорее, не сопротивление со стороны группы (отмечу, что доступ к группам более высокого ранга является закрытым), а трудность на какое-то время дистанцироваться от личных гражданских и политических позиций и осмыслить совершенно новый для себя опыт. Маргинальный образ движения и личное отношение к гражданскому и политическому активизму, конфликтующее с оценками участников “Стали”, поставили ряд этических вопросов о том, как представить истории моих информантов в поле видимости. Решением проблемы, на мой взгляд, стало смещение исследовательского фокуса с политической ситуации и рассмотрения движения как властного конструкта на уровень повседневного молодежного политического активизма, мотиваций и биографий самих участников, их разнообразных и изменчивых опытов.

Задачи статьи

Мне хотелось бы избежать подхода к анализу движения как политического конструкта, служащего интересам государства, и показать “Сталь” через индивидуальные истории активистов, их карьерные стратегии, риторику объяснения и оправдания участия, реконструированные со слов информантов. На мой взгляд, несмотря на жесткую иерархию внутри движения и необходимость демонстрации своей лояльности государству, являющейся гарантией карьерного роста, активисты проправительственного движения не являются пассивными получателями провластной повестки дня, а перепределяют нормативные значения патриотизма, находят стратегии оправдания своей деятельности и техники сопротивления навязываемому извне маргинальному имиджу. Анализ движения также показывает, что “за фасадом” воспроизводимой официальной риторики, посвященной молодежной политике, могут скрываться различные смыслы, идеи и стратегии молодых людей, включенных в проправительственный проект.

“Наши” в академических исследованиях

Движению “Сталь” как автономному молодежному проекту не уделялось внимания в исследованиях социологов, однако объектом их профессионального интереса нередко становилось движение “Наши”, с которым чаще всего ассоциируется “Сталь” как в общественном дискурсе, так и среди самих активистов.

Некоторые исследования “Наших” рассматривают движение в общем контексте молодежного политического активизма в России, где проект представлен через количественные показатели или как созданная “сверху” молодежная организация. Так, например, в социологических опросах “Наши” фигурируют как наиболее известное молодежное движение (ФОМ 2008). Также результаты одного из исследований Левада-центра озаглавлены как «Патриотизм и движение “Наши”», где наравне с уровнем патриотизма в стране исследуется узнаваемость и отношение к молодежному движению (Левада-Центр 2008). Кроме того, несмотря на критику дуализма властной риторики о молодежном вопросе “сверху” и потребностей молодых людей “снизу”, некоторые исследования на примере “Наших” рассматривают молодежные патриотические движения как эффективный механизм военно-патриотического воспитания и повышения уровня патриотического сознания молодежи (Кудрявцев 2011).

Исследования “Наших” вписываются в общую академическую дискуссию о молодежной политике, об отношениях молодежи и власти. Одним из направлений в исследовании “Наших” является анализ медиа-дискурсов, официальных документов и “коммуникативных стратегий” движения (Lassila 2012, 2013). Так, по мнению Лассилы, движение не смогло примирить между собой общественную потребность в сильном государстве и интересы аполитичной молодежи. “Наши” также рассматриваются как гегемонный конструкт политической идентичности российской молодежи через отношение к истории (Mijnssen 2012). Исследователи отмечают, что в основе этого патриотического конструкта лежит героизация прошлого, в частности, гипер-эксплуатация риторики о Великой Отечественной войне (Омельченко, Пилкингтон 2012; Oushakine 2009). Е.Л. Омельченко также подчеркивает, что патриотическая риторика остается основным вектором конструирования отношений между молодежью и властью через императивы морального долга, нравственности и гордости за Россию, ярким примером чего служит движение “Наши” (Омельченко 2005; Омельченко, Пилкингтон 2012).

Однако некоторые исследователи все же обращают внимание на отсутствие голоса и историй самих участников проекта в существующих исследованиях “Наших” (Hemment 2012).

Провластный молодежный активизм также рассматривается через трансляцию определенных конструктов политической маскулинности и женственности, а также

гомофобии в качестве одной из составляющих политической аргументации (*Sperling* 2012). В частности, автор рассматривает технологии гендера через анализ кампаний “Армия Путина”, эротический “Календарь для Путина” на 2011 год, где полуобнаженные студентки журфака МГУ поздравляют премьера с днем рождения, а также альтернативный календарь с критическим подтекстом в адрес власти, изображающий девушек с заклеенными ртами. Исследователи также отмечают, что сексуальная активность среди участников движения поощряется и приобретает общественно-полезную направленность, будучи проблематизированной как решение демографического вопроса (*Громов* 2009).

Кроме того, Д.В. Громов делает вывод, что успех движения “Наши” обусловлен предоставляемыми движением возможностями, отвечающими запросам молодого возраста. Речь идет о профессиональной социализации, межличностном общении, поиске сексуальных партнеров, а также склонности к экстремальности и территориальным перемещениям. Л.Ф. Борусяк отмечает, что активисты “Наших” так легко воспринимают и ретранслируют риторику ненависти, агрессии, ксенофобии и недоверия ко всем “чужим”, поскольку такая идеология нацелена, прежде всего, на молодых людей с неудовлетворенными карьерными амбициями и слабыми стартовыми позициями для борьбы за место под солнцем (*Борусяк* 2005).

Исследования Д.В. Громова показывают, что движение “Наши” неоднородно: “Это не единая субкультура, а куст субкультур, соотносящихся с различными структурными подразделениями движения” (*Громов* 2009: 116). Соглашаясь с тезисом о неоднородности движения, я, однако, рассматриваю “Сталь” не как комплекс четких субкультурных конструкторов, а как молодежную солидарность, в которой происходит коммуникация вокруг разделяемых стилевых, ценностных и идейных векторов (*Омельченко, Сабирова* 2011). Солидарный подход отражает веер культурных и идейных выборов, не сводя их к обязательствам следовать заданной субкультуре. С практической стороны в данном исследовании этот подход позволяет сфокусироваться на ценностно-идеологических измерениях, вокруг которых происходит противоборство “проправительственной” и “оппозиционной” молодежи.

Как видно из обзора существующих исследований, проекты-наследники “Наших” социальными исследователями почти не рассматриваются. Само же движение в основном изучается через внешние дискурсы, в то время как голосам самих участников уделяется меньшее внимание. Поэтому при анализе я буду опираться, в первую очередь, на реконструированные со слов участников “Стали” историю движения, карьеры, стратегии и смыслы, вкладываемые в практику активизма.

“Сталь” идейная: формальные задачи движения

В основе концепции молодежного проекта лежит осмысление понятия “патриотизм”, являющееся “основой безопасности страны” (Молодежное патриотическое движение “Сталь”). Официально “Сталь” продолжает дело “Наших”. Однако, в отличие от задач других проектов-преемников “Наших” (спортивный проект “Беги за мной”, борющийся с просроченными товарами “Хрюши против”, контролирующей сферу ЖКХ “Все дома”, природозащитный проект “Экология” и другие), задачи “Стали” являются наиболее политизированными. На официальном сайте описание проекта строится через внешнюю угрозу суверенитету страны: “...утверждение статуса России как крупной державы, мирового лидера, вызывает ответную реакцию государств-конкурентов, которые пытаются усилить своё влияние на наше государство. Поэтому основной идеей проекта “Сталь” стал призыв к действию – активному, эффективному, жесткому – если это нужно России” (Молодежное патриотическое движение “Сталь”).

О создании “Стали” было заявлено на III съезде “Наших” в 2007 году в связи с радикальным преобразованием их структуры. После разделения движения на несколько

проектов последние стали получать отдельное финансирование и конкурировать между собой за активистов, сферы влияния и бюджеты. Наибольшую активность “Сталь” проявила только через несколько лет, мобилизовавшись во время парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. Движение имело широкую региональную сеть по всей России: на “Селигере-2012” мне удалось пообщаться с представителями делегаций из Твери, Саранска, Петербурга, Иваново, Тамбова. Каждое региональное отделение согласовывало свои действия с федеральным офисом и имело своих лидеров, мобилизующих активистов на региональные и федеральные акции. Наряду с основным руководителем в петербургской “Стали” можно выделить основной костяк, включающий в себя до пяти человек; это участники, наиболее приближенные к руководителю, являющиеся его друзьями вне проекта и иницирующие с ним новые направления и акции, а также глава отдельного проекта, развивающий свою деятельность более автономно от группы. Остальные же участники проекта заняты в акциях ситуативно и менее интенсивно.

“Жесткость”, отраженная в названии движения, является одной из центральных категорий в построении концепции проекта. Так, например, в одном из официальных промо-роликов, иллюстрирующем посвящение в активисты “Стали” на “Селигере”, молодые люди оставляют на коже лейбл движения раскаленным металлом (*Жариков 2011*). Помимо нарратива о посвящении, видео о движении, снятое официальной медиа-группой Селигера “Смими”, также содержит смыслообразующую тему для всего проекта – сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Культивирование героической памяти о войне и риторика защиты страны от внутренних и внешних врагов являются ключевыми векторами в конструировании идентичности движения “Сталь”; эти задачи воспроизводятся в нарративах самих участников (*Mijnssen 2012*).

Основными направлениями активизма внутри движения являются проекты “Стоп-Казино”, направленный на борьбу с нелегальными казино; “Стоп-Хам”, борющийся с неправильной парковкой и хамством на дорогах; “Наша общая Победа”, в рамках которого молодые люди создают видеоархив воспоминаний ветеранов и проводят мероприятия по поддержке памяти о войне; “Социальное направление”, в котором волонтеры работают в детских домах, домах престарелых, клиниках, пунктах переливания крови. Все направления активизма, как можно увидеть в описании проектов на сайте движения, объединены риторикой построения гражданского общества, модернизации, лидерства России на мировой арене. Некоторые из проектов инициированы активистами “Стали”, представившими свои идеи на форуме “Селигер” и получившими грант на их реализацию.

Помимо участия в гражданских проектах движение “Сталь” использовалось для мобилизации молодых людей на участие в политических акциях-митингах в поддержку власти во время парламентских и президентских выборов (2011–2012 гг.), противодействии митингам против фальсификации выборов. Активисты, с которыми мне удалось побеседовать, также участвовали в наиболее провокационных акциях – “Позор России” и “Гордость России”, организованными во время санкционированного “Русского марша” 4 ноября 2010 года. Участники митинга несли плакаты “Гордость России” – с портретами ветеранов, многодетных матерей, ученых и спортсменов – и “Позор России” – с изображениями оппозиционеров, правозащитников, олигархов, владельцев казино. Портреты последних участники марша демонстративно затаптывали ногами перед телекамерами. Однако после протестных выступлений 2011–2012 гг. политическая активность движения сошла на нет, что также отразилось на формате проведения форума “Селигер-2012”, где была представлена оппозиционная молодежь, озвучившая вопросы о сменяемости власти, свободе слова, судебной системе.

Таким образом, движение было направлено на реализацию гражданских и иногда самодеятельных проектов “снизу”, объединенных темой модернизации и лидерства России на мировой арене; но при этом предполагало открытую поддержку власти

его участниками, мобилизуемую “сверху” в важные моменты политической жизни государства. Открытая политизированность проекта, несмотря на определенные возможности проявления личных гражданских инициатив, стала причиной внутренних конфликтов среди участников. Кроме того, активизм в движении усложнился маргинальными медийными образами прокремлевского проекта.

“Сталь” медийная: образ движения в публичном дискурсе

Медиа сыграли важную роль в формировании общественного отношения к прокремлевскому движению – медийность является одной из основных целей проводимых массовых акций. Говоря о “Стали” в медиа, я также буду отсылать к образу “Наших” в СМИ, т.к. “Сталь” редко участвовала в массовых выступлениях как автономный проект. Официальные государственные СМИ в основном работали на продвижение “Наших”. Например, акции “Наша общая Победа” в мае 2010 года и “Белые фартуки” в апреле 2011 года широко и положительно освещались на центральных телеканалах.

Противовесом в создании публичного образа молодежного движения выступали журналисты независимых СМИ и блогеры, зачинщики разоблачающих скандалов с участием “Наших”. Так, видео “Нашистка Света из Иваново” набрало более двух миллионов просмотров (*Гладиш* 2011). На видео девушка, приехавшая из Иваново в Москву на акцию в поддержку Путина, пытается описать заслуги “Единой России”, прибегая то к заученным бюрократическим фразам, то к личным импровизациям; последние породили мемы “Мы стали более лучше одеваться” и “У нас стало больше земель”. Большое количество видео на Youtube.com также посвящено акции 16 апреля 2011 года “Белые фартуки против коррупции”, проходившей на проспекте академика Сахарова в Москве. В видео “Кто такой академик Сахаров?”, снятом во время акции, у участников митинга спрашивают, кто такой Сахаров, и никто из активистов не может ответить на вопрос, не считая ироничной версии “он изобрел сахар” (*Chernyshev* 2011).

Конфликт “Наших” с издательским домом “Коммерсант” и журналистом Олегом Кашиным лежит в основе фильма “Поцелуй Путина” датской журналистки Лизе Бирк Педерсен¹. Фильм повествует об истории пресс-секретаря движения Марии Дроковой, сделавшей карьеру журналиста. Фильм рассказывает о разрыве Дроковой с движением, который последовал за ее знакомством с либеральными журналистами и с Олегом Кашиным в том числе. Сюжетная линия фильма также отсылает к нападению на журналиста – предположительно, активистами движения “Наши”².

Серия разоблачающих скандалов и разнонаправленность векторов в освещении деятельности движения породили маргинальный образ и недоверие общества к движению “Наши”. По данным Левада-центра, в 2011 году организация вызывала интерес у 14% респондентов, а с надеждой на молодежное движение смотрело 2% (Левада-центр 2011). Кроме того, у активистов сформировалось подозрительное и негативное отношение к фигуре журналиста, с которой в ходе этого исследования респонденты часто ассоциировали фигуру социолога.

Как становятся “Сталью”

Первой сложностью на этапе рекрутинга информантов для исследования стал вопрос об определении границ группы, об идентификациях – внешних и внутренних. В социальных сетях существовало несколько групп, относящихся к проекту “Сталь”, в которых состояли от 200 до 1000 участников. Однако после приглашения на интервью молодые люди отказывались участвовать в исследовании, мотивируя это тем, что не относили себя к движению, а “только ездили на пару акций в Москву”. После наблюдения на собрании движения оказалось, что в Петербургском отделении “Стали” состоят

около 20 человек, четверо из которых постоянно занимаются проектом. Активисты, с которыми мне удалось побеседовать, принадлежат к разным поколениям “Стали”: некоторые включились в движение в 2012 г. во время президентских выборов, другие – стоят у истоков движения, начав свою карьеру в 2007 г.

Границы движения и принадлежность к группе определяются разным пониманием вовлеченности и длительностью участия в движении. В нарративах участников можно реконструировать разный событийный ряд, связанный с деятельностью в “Стали”, а сама история движения в нарративах не представляется однородной и последовательной:

Ну, движение в седьмом году создано. Движение раньше, это был патриотический проект при движении “Наши”. Потом этот проект стал настолько крутым, что он перестал быть проектом, он стал движением. А в Петербурге региональное движение “Стали” было открыто во второй раз в десятом году, но сначала было создано в восьмом году... (Виктор, 21 год). [Здесь и далее имена информантов изменены. – Д.К.]

Разное понимание истории движения затрудняет и определение его границ. Одними активистами “Сталь” может рассматриваться как автономный проект; другими – как часть движения “Наши”. Формально развивая свои проекты в рамках движения “Сталь”, активисты продолжают говорить о себе как о “Наших”:

Разницы глубокой не было: движение “Наши”, движение “Сталь”. Меня устраивало такое движение – “Сталь”. Брутальное, нормально. Вот. Что-то напоминающее движение “Наши”, разве что бренд другой, всё. Те же люди, люди те же были, только под другим брендом, лейблом, и всё (Алексей, 23 года).

Такие ориентиры, как “Россия – глобальный лидер XXI века” и “модернизация страны”, продолжают воспроизводиться в нарративах активистов как политические ориентиры “Стали”, унаследованные от движения “Наши”. Идентичность “Стали” как отдельного молодежного проекта не представляется им автономной. Как и “Наши”, “Сталь” продолжает напрямую соотноситься с властной повесткой – враги России приравниваются к врагам движения:

Ну это как бы враги не “Стали”, а в общем для суверенитета Российской Федерации. А таких прямых оппонентов для “Стали” я не наблюдаю (Александр, 20 лет).

И “Сталь”, и “Наши” – это уровень власти, та же самая власть, только на уровне молодежи (Виктор, 21 год).

При этом, в отличие от более ранних этапов проправительственного проекта, внимание к президенту как к ключевой фигуре идеологической концепции “Наших” начинает ослабевать, и более важным становится прагматичное взаимодействие с чиновниками и политиками, работающими с молодежью, чьи места и планируют занять лидеры движения. Встреча с президентом на “Селигере” расценивается участниками исключительно как социальный капитал для продвижения по карьерной лестнице, а гарантия перед ним своего проекта – как гарантия будущего успеха.

Размытость границ сообщества “Сталь” оказалась очевидной и на форуме “Селигер”, когда молодые люди, формально представлявшие делегацию “Стали”, не имели к проекту никакого отношения. Для того чтобы приехать на Селигер, при регистрации на сайте необходимо было причислить себя к одному из проектов Росмолодежи: “Сталь”, “Все дома”, “Беги за мной”, “Молодые строители” и др. – так некоторые люди оказались под флагом прокремлевского проекта:

На построении Настя спросила, не значат ли футболки, которые нам выдали в первый день, ничего экстремистского, “а то к Стали я вообще не отношусь, если что” (Полевой дневник 26.07.12).

Состав участников “Стали” несколько раз полностью обновлялся, а в определенный период движение официально не существовало, в то время как молодые люди продолжали самостоятельно проводить акции:

В декабре [2010 г.] начали закрывать офис, вся движуха закрылась. Как-то всё распалось, и ребята такие: непонятно, что дальше-то, люди-то остались, а ничего остального нету. И каким-то странным образом офис перенесся ко мне домой. Мы делали акцию, как-то между собой деньгами скидывались, чтобы сорвать марш несогласных (*Василиса, 23 года*).

Цитата говорит об интериоризации ценностей “Стали” и продолжении “дела” проекта при отсутствии формальной организации и руководителей акций.

Свою роль в обществе молодые активисты определяют как просветительскую, часто описывая деятельность в проекте в патерналистском, воспитательном духе. В нарративах участники выстраивают дистанцию между собой, как функционерами “верной” молодежной политики, и молодыми людьми, находящимися под идеологической угрозой или вовсе не заинтересованными в судьбе страны. В следующем отрывке участник “Стали” конструирует свою идентичность как функционера молодежной политики, воспроизводя государственный бюрократический стиль через дистанцирование себя от некой “молодежи”:

Грубо говоря, ты говоришь одно, а молодежи плевать на тебя, она занимается своими делами. А когда молодежь сама начинает помогать себе, делать то, что надо, не нарушать законы, развивать себя, свою семью, свой город, свой район, свой регион. <...> И чтобы этот процесс был быстрее и результаты были лучше, для этого надо, чтобы молодежь полностью включалась в этот процесс и молодежь на себе понимала, что надо делать жизнь лучше (*Виктор, 21 год*).

Как видно из приведенных цитат, границы “Стали” могут расширяться и включать в себя другие проекты Росмолодежи. Образ группы “мы” конструируется и через другие направления, истоки которых принадлежат “Нашим”. Движение является как альтернативой внеучебной активности – своеобразным хобби, предполагающим бенефиты в виде новых дружеских связей и бесплатных поездок по России, – так и стартовой площадкой для саморазвития, которая в будущем должна смениться карьерным ростом в политических структурах.

“Мы” и “Они”: определение внешних границ в конструировании идентичности движения

Несмотря на то, что внутренние границы “Стали” являются подвижными, внешние границы всегда четко артикулированы: в качестве группы, чьи интересы противостоят движению, активисты рассматривают оппозицию. Однако отношения с оппозицией не рассматриваются как бинарные и взаимоисключающие. Говоря о деятельности других молодежных политических групп, критично относящихся к власти, активисты “Стали” поощряют их активизм и безразличие к судьбе страны. Причисление себя и других молодежных групп к участникам гражданского общества конструирует дискурс об общих чертах и целях активной молодежи России:

На данный момент я считаю то, что опять же деятельность оппозиции, которая, безусловно, эти митинги, то что люди стали выходить на улицы, стали безразличными к тому, что происходит. Пусть они даже, некоторые из них даже не понимают, что они делают и зачем они вышли. Но всё-таки это огромный плюс, что оппозиция работает. Делает людей безразличными (*Александр, 20 лет*).

В то же время в контексте риторики о государственном суверенитете участники критикуют оппозиционные взгляды, выражают сомнение в искренности такой дея-

тельности и воспроизводят сконструированный дискурс о финансировании протестных митингов из-за рубежа. Так, например, в одном из интервью активист “Стали” совмещает два противоречащих аргумента, одновременно поощряя и критикуя активизм других молодежных политических групп:

И вот если молодому человеку либо девушке не плевать, что происходит в его стране, или там те же митинги оппозиции, и молодому человеку интересно, и молодежи интересно быть в курсе всех дел, и самому участвовать, они присоединяются. То есть, если есть свободное время, не надо, там, сидеть на лавочке, пить пиво или там сидеть в социальных сетях по контактам (*Марина, 20 лет*).

Несмотря на поощрение гражданской активности оппозиции, в следующем же отрывке комиссар говорит о сложностях взаимодействия с молодежью других политических взглядов и недоверии к искренности их интересов:

...Я как бы пытаюсь найти с ними общий язык; пытаюсь, возможно, найти среднее какое-то мнение; они не будут искать среднее мнение с тобой, им плевать, что ты думаешь, они пишут одно и то же. И в какой-то момент я поняла, что это люди – у них заказ. Зачем тратить просто на них своё время... (*Марина, 20 лет*).

Примечательно, что активисты, покинувшие движение и примкнувшие к другим политическим группам, в свою очередь, говорят об отсутствии искренности и бескорыстности активизма в проекте “Сталь”:

Они [“Наши”] в принципе тоже готовы делать гражданские проекты, готовы улучшать страну, но для того, чтобы заработать себе карьеру, они готовы закрывать глаза на любую несправедливость, если это будет выгодно для их самореализации. Ключевое отличие оппозиции, я считаю, на мой взгляд, – мы не готовы поступиться даже малым для своих идеалов (*Алексей, 20 лет*).

Таким образом, в нарративах участников можно реконструировать категорию искренности, лежащую в основе объяснения гражданского активизма как участников прокремлевского движения, так и молодых людей, перешедших в “оппозицию”. Бескорыстность отстаивания своих политических и гражданских взглядов является ценностным ориентиром и обуславливает один из ключевых векторов конструирования различий между “нами” и “ими”. В нарративах участников вектор напряжения между двумя группами конструируется не столько отношением к действующей власти, сколько сомнением в бескорыстности друг друга. В то же время небезразличие к жизни страны и сама по себе ценность гражданского активизма конструируют солидарные связи, объединяющие молодежь из двух групп.

Здесь, на мой взгляд, можно увидеть важное различие между тем, как движение используется властью для защиты государственных интересов (например, для противодействия митингам против фальсификации выборов), какой общественный образ создается посредством подобных акций и тем, как активисты сами понимают свою позицию (в том числе по отношению к оппозиционной молодежи). В медийном дискурсе сконструирован образ “нашиста”, пресекающего акции антиправительственных групп и защищающего государственные интересы. Принадлежа к проправительственному проекту, участники воспроизводят набор “официальных” штампов о роли оппозиции, молодежной политике, патриотическом воспитании, смешивая их с субъективными пониманиями и переживаниями. Позиция участника “Стали” обусловлена, с одной стороны, установкой на воспроизводство “правильной” риторики, а с другой – субъективным восприятием, часто находящимся в конфликте с формальным позиционированием движения.

Бинарность и конфликтность отношений между “оппозицией” и “Сталью”, лежащие в основе образа “нашиста”, во многом сконструированы серией разоблачающих

скандалов в медиа, маргинализацией как оппозиционного движения, так и “Наших” в публичном дискурсе, в то время как сами активисты отмечают общие черты, цели и даже гипотетическое объединение двух сил. Напряжение между двумя группами исходит не от различного отношения к действующей политической власти, а от сомнений в искренности активистов из соседнего лагеря. Несмотря на риторическое воспроизводство антагонизма между оппозиционной и лояльной молодежью, при ближайшем рассмотрении становится ясно, что активисты “Стали” в гораздо большей степени выстраивают свои внешние границы через противопоставление себя апатичной и безразличной молодежи, нежели “оппозиции”. Гражданский активизм как таковой играет более важную роль в конструировании границ движения, чем нахождение по ту или другую сторону баррикад политической власти.

“Мясо” и “комиссары”: ключевые иерархии

Одной из характеристик внутренней организации движения является отсутствие консенсуса по поводу роли движения: личной и национальной. Одной из причин отсутствия солидарности в понимании смыслов является жесткая иерархия внутри проекта: одни присоединяются к движению ради досуговой активности, другие используют его для развития социальной мобильности и являются организаторами акций, коллективных поездок, а также реализуют собственные проекты.

Массовость акций, благодаря которым движение получило широкую известность, обеспечивают молодые люди, для которых “Сталь” – род досуговой деятельности. “Рядовые” участники рекрутируются через вузы и дружеские сети. Включение в движение также является одной из стратегий социализации в новом городе: большинство участников петербургской “Стали” – студенты, приехавшие учиться из регионов.

– Как ты узнал о существовании движения?

– Да это в марте еще было, ходили по общаге, фотографировали с табличками за Путина, как бы пригласили; я сходил, посмотрел, потом еще раз. Потом втянулся, коллектив хороший, обстановка не напряженная, ездят везде, в Москву ездил два раза (*Петр, 21 год*).

Поводом к активному набору людей часто становятся массовые акции в Москве, когда организаторам необходимо собрать несколько автобусов “активистов”. Мотивацией участия в таких акциях является сама бесплатная поездка в столицу:

По дороге в Москву мне удалось немного поговорить со своим соседом в автобусе. Учится он на зубного техника в медицинском колледже, всё говорил, как хочет получить высшее образование. Ехал он на такой сбор в первый раз – сказал, за день до выезда позвонили и предложили бесплатно поехать в Москву. Потом же всё несколько раз повторял, что как же здорово: едет в Москву, а так бы как обычно сидел бы дома и смотрел футбол. Как оказалось позже, такая мотивация объединяет почти всех ребят в автобусе, ехавших в Москву (*Полевой дневник, 4.03.12*).

Если участие в “Стали” у “рядовых” активистов рассматривается, в основном, как одна из форм проведения досуга, то неформальные “лидеры” проекта остаются в движении для получения социального капитала и развития политической карьеры.

“Сталь” – это площадка для развития, я сам и развиваюсь. Я знакомлюсь, в том числе, с теми же вице-губернаторами, представителями исполнительной власти в Москве, с тем же Василием Якеменко я лично знаком, с депутатом Госдумы. Я через это получаю нереально большой опыт, который ни в университете, нигде не получишь (*Виктор, 21 год*).

Такая логика описывает стратегии дальнейших карьер: участие в “Стали” рассматривается как стартовая позиция, которая должна смениться дальнейшим карьер-

ным ростом в политике. Соответственно, активность в движении мотивируется расширением социальных связей. Включение в движение рассматривается и как способ использования определенного “бренда” “Стали”, относящегося к большой политике, для реализации собственных проектов:

Знаешь, если я уйду в сторону, я уже буду вне молодежной политики; я, уже будучи обычным Витей, не могу, например, данный проект сделать. Было бы намного сложнее. А так, я руководитель, я письмо это показываю Василию Петровичу, а он такой “Ооо!” (*Виктор, 21 год*).

Помимо госуправления, в плане карьерных возможностей лидеры движения рассматривают и сферу медиа. При этом публичность и личная узнаваемость являются целью их активистской работы и показателем успеха среди участников-лидеров.

Мы никогда не пользовались таким ажиотажем. Когда я ехала в трамвае, передо мной сидел мужчина, читал “Комсомольскую правду”; он открыл страницу, половина которой была занята статьей про наш календарь. И тогда я поняла: “Боже мой! Это так круто!” (*Марина, 20 лет*).

При этом между “рядовыми участниками” и “лидерами” существуют слабые солидарные связи: первые часто включаются в движение, когда неформальным “лидерам” необходимо обеспечить акциям массовость. Несмотря на принадлежность к одному движению и формально объединяющие цели проекта, отношения между двумя группами являются не солидарными, а строго иерархичными.

Ну просто надо понимать, что между людьми должна какая-то субординация соблюдаться, то есть, если мы руководители, я не могу с “детьми” там со своими пойти, я не могу взять того же Пашу и пойти с ними куда-нибудь тусить (*Марина, 20 лет*).

Такие связи внутри движения мотивированы также формальными задачами, которые должны выполнять руководители проекта:

А ты знаешь, привык: приказ пришел – сделал. Знаешь, там будет мясо – 500 человек на акции. Нужно мясо – будет мясо (*Виктор, 21 год*).

У тебя там есть квота 500 человек, ты там общаешься с людьми, у нас не все люди готовы ездить или что-то такое как бы, а тебе кровь из носу надо и ты, по сути, делаешь это не потому, что люди сами иногда хотят, а просто потому, что тебе надо 500 человек вывезти в Москву (*Марина, 20 лет*).

Автономные участники проекта, таким образом, объединяются в солидарность во время пространственного соприсутствия на массовых митингах и акциях. Можно сказать, что само движение как единство становится возможным только через общие практики в разделяемом пространстве – как, например, во время форума “Селигер” или на митингах.

Между автономией и лояльностью

Помимо коллективного понимания роли движения, отражающего интересы государства, в проекте важно выделить и индивидуальное, субъективное измерение, в котором участники аргументируют личные интересы, борются за автономию и переопределяют задачи, поставленные государством.

Движение можно рассматривать как столкновение государственного конструкта “правильного” патриотизма и гражданственности с его ситуативным пониманием и стратегиями адаптации самих участников. Карьерный рост становится возможным при совмещении поддержки проводимого курса молодежной политики с борьбой за

личную автономию. Предопределенность “правильной” молодежной активности отражается и на политике получения грантов на “Селигере”, когда финансирование дается на проекты, связанные с патриотизмом. Некоторые участники отмечают, что именно политизированность существующих проектов и отсутствие поддержки личных идей, отличных от интересов государства, подорвало их доверие к движению.

Во время велопробега я переговорила с одним из его участников. Он уже третий раз участвует в этом мероприятии, сам был в “Стали”, но совсем недолго. Говорит, ему там было неинтересно, потому что свои проекты никак не реализовать. Он хотел заниматься туризмом, но это не попадает под направление “Стали”, где можно делать только то, “что скажут”. “Что за молодежная политика такая, кому она нужна, только деньги тратить” (Полевой дневник 22.06.12).

С другой стороны, участники движения пытаются переопределить свою роль функционеров проектов государственной молодежной политики и вписывают личные интересы в “запросы” государства. Так, участники выстраивают риторику оправдания своего активизма и стратегии объяснения лояльности к власти.

Такое столкновение государственного и политического с личным и субъективным выражается в двойной риторике участников; они одновременно ретранслируют нормативное понятие гражданственности и патриотизма и совмещают его с личной борьбой за социальный капитал, предоставляемый движением.

Потому что, знаешь, я такой очень ярый сторонник традиционного общества, то есть всё общинное, всё для народа, не люблю эгоизм, когда люди для себя стараются... Хотя в принципе, я ярый карьерист, прям вот, пока делаю себя! Никакой личной жизни, никаких путешествий, гуляния, тусовок, надо сначала сделать себя (*Виктор, 21 год*).

Таким образом, движение превращает общественные ценности в ресурс построения личной карьеры. Существование в рамках движения предполагает борьбу за личное пространство в проекте, казалось бы, полностью направленном на коллективные цели.

Конфликт между лояльностью по отношению к власти и необходимостью отвоевывать личные ресурсы в проекте усиливается стигматизированностью движения. Как сказано выше, негативные коннотации, связанные с движением, заставляют участников переопределять значение проекта и взаимодействовать с публичным имиджем молодежного движения. Активисты осознают отрицательное отношение общественности к деятельности молодежных прокремлевских организаций, но рассматривают это как условие существования в рамках проекта. Для участников важна не столько оценка деятельности движения, сколько само фигурирование в публичном пространстве:

И нас там только как не называли! Реально, не поверишь! Мы сидели – с айпэдов, с ноутбука читали – просто ухахатывались: Ой, а это я типа, а меня так называли, а меня так. И нам было вполне плевать, потому что если нас обсуждают, то, значит, мы уже победили (*Алексей, 20 лет*).

Логика взаимодействия с публичным образом движения и сопротивления стигматизации выстраивается через сравнение себя с другими участниками – “мясом” или “массовкой”, как называют рядовых участников активисты-лидеры. Постоянное взаимодействие со стигмой “Наших” также рассматривается как временное условие, которое в дальнейшем должно смениться карьерным ростом:

Я там ладно, нашист, там путинские детишки, петушки, кремлевские бляди, то есть по-разному. Да пускай называют, как хотят! То что там за кремлевские деньги знаешь там. Нас там знаешь как называют – вы тупая шмаль, которую гонят на акции, чтобы показать какую-то массовость. Я с этим не согласен. Кто-то да, массово там, но кто-то там дальше, как я, идет, развивается (*Виктор, 21 год*).

Линия аргументации своего участия в движении, имеющем негативные общественные коннотации, выстраивается также через презентацию себя как члена гражданского общества и активиста, следующего политике малых, но реальных дел:

Я знаю, что за мной следят, за мной следят, за какими-то моими действиями, поступками, какое-то такое есть лёгкое, меня ассоциируют именно с той частью, как действующее гражданское общество (*Марина, 20 лет*).

Таким образом, участие в “Стали” у лидеров движения является рефлекслируемым решением, которое требует постоянно взвешивать бонусы и издержки своей активности в проекте.

Патриотизм: государственный конструкт и повседневность активистов

Важное место в нарративах участников “Стали” о национальной и личной значимости движения отводится понятию патриотизма, которое позволяет согласовать личную заинтересованность в капитале, предоставляемом движением, с национальными и общественными ценностями, лежащими в основе идеологии проекта. Патриотизм в такой двойной риторике, с одной стороны, конструируется через защиту суверенитета государства. В рамках риторики о патриотизме идеи о национальной мобилизации против оппозиции / Запада, апелляция к 1990-м годам как периоду упадка и патриотические ценности, зачастую отождествляемые с Великой Отечественной войной, стали воспроизводимыми образцами, необходимыми для получения личного капитала в движении. Участники производят единый ряд официальных символов патриотизма, культивирующих героическую память о победе в войне:

Они (участники войны) все старались для Родины, для семьи. То есть они бросали все свои дела, они умирали за Родину, то есть все сплотились, все народы Советского Союза, все более 140 народов, они сражались и погибли в войне. Это как раз-таки показатель хорошего воспитания, потому что, не дай бог, в сегодняшнее время настанет война – половина просто уедет за границу (*Алексей, 20 лет*).

С другой стороны, патриотическая риторика превращается в ресурс для построения политической карьеры через движение и узнаваемый символ “правильного” молодежного активизма. При этом участники сочетают личное и национальное через переопределенный конструкт патриотизма, культивирующий индивидуальный успех и личную конкурентоспособность как источник благополучия страны:

Для меня патриотизм – это сложный вопрос. Я считаю, что патриотизм – это конкурентоспособность. Если ты конкурентоспособный, то если я вырасту и стану обычным менеджером, там, вообще среднего звена, будет миллион других менеджеров, которые выше меня на голову, то это никакой не патриотизм, я не буду работать на свою страну. Патриотизм – это, в первую очередь, работа на свою страну. И для этого я должна быть конкурентоспособной среди других таких же людей как я (*Марина, 20 лет*).

Такое конвертирование “запроса” государства на молодежный патриотизм в личный карьерный рост приводит к тому, что традиционный образ патриотизма обретает дополнительные значения. С одной стороны, он интерпретируется в патерналистских терминах и предполагает лояльность по отношению к власти, которая рассматривается как что-то очевидное и не требующее критического осмысления:

– А вот насколько для вас важной является поддержка власти, т.е. почему вы её поддерживаете?

– Не знаю, почему дети любят своих родителей? (*Алексей, 20 лет*).

С другой стороны, патриотизм определяется через накопление личного капитала, конкурентоспособность, карьерный успех. Быть патриотом – значит быть профессионалом, успешной личностью, приносящей пользу стране. Через такое понимание активисты “Стали” объясняют свое стремление к автономному карьерному росту в рамках проекта, направленного на достижение “общественного блага”.

При этом участники “Стали” говорят о циничности таких отношений с государством, которые позволяют рассматривать патриотизм и служение стране как источник карьерного роста и личных ресурсов:

Маша не скрывает, что использует риторику победы, в том числе, чтобы продвинуть себя. Ребята не скрывают, что не очень хорошо относятся к Путину. Там вообще все шутят по поводу того, “неужели и Путин правда думает, что все эти люди его поддерживают?! Да он смотрит на них во время митингов как царь-батюшка, не зная, что все приезжают сюда на халыву, а организаторам дают айфоны”. Я подумала, что после таких слов начнется конфликт, но остальные просто продолжили: “Да он вообще не знает, кто такие “Сталь”, кто такие “Хрюши против”, ему же вообще нет до этого дела” (Полевой дневник 30.07.12).

Таким образом, попытка навязать патриотические чувства молодежи имеет обратный эффект и приводит к социальному цинизму, когда молодые люди улавливают “запрос” на определенные направления гражданского поведения и участвуют в патриотических проектах, рассматривая это как возможность накопления социального капитала и построения политической карьеры. Патриотизм, сконструированный властным дискурсом, превращается в символ лояльности к правительству и узнаваемый “товарный знак” правильной гражданской активности.

Заключение

В контексте реформирования аффилированных проектов “Наших” “Сталь” можно рассматривать как уходящий тренд молодежного провластного политического активизма. Проекты-наследники, оставшиеся на сценах молодежного гражданского активизма (“Стоп-Хам”, “Хрюши против”, “Все дома”), дистанцируются от причастности к “Нашим” и политическому активизму («Наши бывшие “Наши”»), а лидеры проекта ищут новые формы проявления патриотических чувств, где смысловой акцент будет сделан на самореализации, предпринимательстве, конкурентоспособности (Белоконов 2013), и заявляют о том, что “ликующая гопота больше не нужна” (Савина 2008).

В то же время, государство продолжает выстраивать свои отношения с молодежью через нравственные императивы долга и любви к родине. Подобная попытка основать модель молодежной политики на патриотической мифологии приводит к превращению концепта “любовь к родине” в прагматичный источник карьерных бонусов. Результатом этого является постоянное производство двойной риторики о себе и о нации, конфликтующей внутри себя самой. Ситуативная мобилизация молодежи для политических целей не говорит о безоговорочном следовании властной повестке: участники проправительственных проектов не слепо ретранслируют патриотическую риторику, а рефлексивно переопределяют свою роль в проекте, взаимодействуют с публичным имиджем движения и различают личные, коллективные и национальные интересы.

Понимая циничность таких отношений, активисты провластного движения сталкиваются с проблемой урегулирования конфликта ценностей: с одной стороны, потребностью в искренности и необходимости оправдания своих действий перед близким окружением, с другой – борьбы за личный капитал, с третьей – сохранения лояльности власти и сопротивления общественной стигматизации движения. Отношения государства и молодежи на примере “Стали” можно охарактеризовать как взаимные отношения друг к другу как к источнику ресурсов, когда ведущие активисты обеспечивают

заполненность площадей на массовых акциях, а государство предоставляет им ресурсы для построения дальнейшей политической карьеры. Таким образом, создание патриотической мифологии как формы политической идентичности молодежи оказывает противоположный эффект: формирует приспособленчество к требуемому “заказу” на определенное политическое поведение и усиливает напряжение между лоялистской и оппозиционной молодежью.

Примечания

¹ В январе 2012 года фильм удостоился премии на американском фестивале независимого кино Sandance за лучшую операторскую работу. В России не состоялось ни одного открытого показа фильма, но он доступен на видеохостинге Youtube.com.

² Олег Кашин, журналист “Коммерсанта”, был избит возле своего дома двумя неизвестными 6 ноября 2010 года. 12 декабря 2010 года The New York Times опубликовал статью Кашина, в которой он утверждает, что подвергся нападению за критику движения “Наши”.

Источники и материалы

Белоконев 2013 – Белоконев С. “Наши” правильно сделали, что растворились // Полит.Ру. 24 сентября 2013 г. (<http://polit.ru/article/2013/09/24/belokonev>).

Борусяк 2005 – Борусяк Л. Ф. “НАШИ”: кого и как учат спасать Россию // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 5. С. 17–29.

Гладин 2011 – Гладин Е. “Нашистка” Света из Иваново // Канал *denisbudkov* (www.youtube.com/watch?v=24XBX0Wkmpw).

Жариков 2011 – Жариков А. Селигер 2011 / “Сталь” / Посвящение. 30.07.2011 (www.youtube.com/watch?v=YNm43tqc7eA).

Левада-Центр 2008 – Патриотизм и движение “НАШИ”. 21.08.2008 (www.levada.ru/21-01-2008/patriotizm-i-dvizhenie-nashi).

Левада-Центр 2011 – “Наши” – самое известное политическое движение в России. 10.02.2011 (www.levada.ru/10-02-2011/nashi-samoe-izvestnoe-politicheskoe-dvizhenie-v-rossii).

Молодежное патриотическое движение “Сталь” – Официальный сайт движения “Наши” (<http://nashi.su/projects/51>).

«Наши бывшие “Наши”» – «Наши бывшие “Наши”». Что значит быть молодым в современной Европе. Исследовательский фильм Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ / Реж. Д. Омельченко. Эпизод 2. MYPLACE Project: Memory, Youth, Political Legacy and Civic Engagement. СПб., 2013.

Савина 2008 – Савина Е. и др. “Наши” стали чужими // Газета “Коммерсантъ”. 29.01.2008. № 12 (www.kommersant.ru/doc/846635).

ФОМ 2008 – Молодежь в политике. Опрос населения. 22.05.2008 (<http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0820/d082024>).

Chernyshev 2011 – Chernyshev A. “Кто такой академик Сахаров?” (www.youtube.com/watch?v=hKpNToB_mlo).

Научная литература

Громов 2009 – Громов Д.В. Движение “Наши”. 2007 год // Молодёжные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН, 2009.

Кудрявцев 2011 – Кудрявцев М.М. Место молодежных политических движений в системе военно-патриотического воспитания граждан // Вестник МГОУ. Серия “История и политические науки”. 2011. № 2. С. 230–233.

Омельченко 2005 – Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59–86.

Омельченко, Сабирова 2011 – Молодежный вопрос: смена оптики. От субкультур – к солидарностям // Новые молодежные движения и солидарности России / Под общ. ред. Е.Л. Омельченко, Г.А. Сабировой. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2011. С. 5–20.

Омельченко, Пилкингтон 2012 – Омельченко Е. Л., Пилкингтон Х. Любить, гордиться, уезжать? Российская молодежь в патриотическом лабиринте // С чего начинается Родина: молодежь

в лабиринтах патриотизма / Науч. ред. Е.Л. Омельченко, Х. Пилкингтон. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2012. С. 5–30.

Омельченко, Пилкингтон 2012 – С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Науч. ред. Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2012.

Hemment 2012 – *Hemment J.D.* Nashi, Youth Voluntarism and Potemkin NGOs: Making sense of civil society in post-Soviet Russia // *Slavic Review*. 2012. Vol. 71. № 2. P. 234–260.

Lassila 2012 – *Lassila J.* The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia II. The search for Distinctive Conformism in the Political Communication of Nashi, 2005–2009. Stuttgart: Verlag, 2012.

Lassila 2013 – *Lassila J.* Making Sense of Nashi's Political Style. The Bronze Soldier and the Counter-Orange Community. *Demokratizatsiya*. 2013. Vol. 19. № 3.

Mijnssen 2012 – *Mijnssen I.* The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia I. Back to Our Future! History, Modernity and Patriotism according to Nashi, 2005–2012. Stuttgart: Ibidem-Verlag/Ibidem-Press, 2012.

Oushakine 2009 – *Oushakine S.A.* The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Cornell University Press, 2009.

Sperling 2012 – *Sperling V.* Nashi Devushki: Gender and Political Youth Activism in Putin's and Medvedev's Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol. 28. № 2. P. 232–261.

Article Summary

D.S. Krivonos. Zhizn' posle "Nashikh": avtonomiia, loial'nost' i iskrennost' v molodiozhnom dvizhenii "Stal'" [Life after Nashi: Autonomy, Loyalty, and Sincerity in the Stal' Youth Movement]

Keywords: youth activism, youth movements, educational camp *Seliger*, *Nashi* movement, patriotism, youth civic engagement.

Abstract: The article analyzes the relationship between the state and the youth, using the case of *Stal'* youth movement. The research is based on the interviews with participants of the movement and ethnographic fieldwork at the annual educational camp *Seliger* and political rallies organized by the movement. The author argues that despite the movement's loyalty to the state, young people actively redefine the normative understanding of patriotism, resist the marginal image of the movement and create personal strategies of justification of pro-governmental activism.

Author: **Daria Krivonos**, University of Helsinki (Helsinki, Finland); Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia); e-mail: daria.krivonos@gmail.com

References:

Gromov D.V. Dvizhenie "Nashi". 2007 god. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy*. Moscow: IEA RAN, 2009.

Hemment J.D. Nashi, Youth Voluntarism and Potemkin NGOs: Making sense of civil society in post-Soviet Russia. *Slavic Review*, 2012, vol. 71, no. 2, pp. 234–260.

Kudriavtsev M.M. Mesto molodezhnykh politicheskikh dvizhenii v sisteme voenno-patrioticheskogo vospitaniia grazhdan. *Vestnik MGOU. Seriya "Istoriia i politicheskie nauki"*, 2011, no. 2, pp. 230–233.

Lassila J. *The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia II. The search for Distinctive Conformism in the Political Communication of Nashi, 2005–2009*. Stuttgart: Verlag, 2012.

Lassila J. Making Sense of Nashi's Political Style. The Bronze Soldier and the Counter-Orange Community. *Demokratizatsiya*, 2013, vol. 19, no. 3.

Mijnssen I. *The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia I. Back to Our Future! History, Modernity and Patriotism according to Nashi, 2005–2012*. Stuttgart: Verlag, 2012.

Omel'chenko E.L. Molodezhnyi aktivizm v Rossii i global'nye transformatsii ego smysla. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 59–86.

- Omel'chenko E.L. & Sabirova G.A. *Molodezhnyi vopros: smena optiki. Ot subkul'tur – k solidarnostiam. Noye molodezhnye dvizheniia i solidarnosti Rossii.* Eds. E.L. Omel'chenko & G.A. Sabirova. Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet, 2011, pp. 5–20.
- Omel'chenko E.L. & Pilkington H. *Liubit', gordit'sia, uezzhat'?* Rossiiskaia molodezh' v patrioticheskom labirinte. *S chego nachinaetsia Rodina: molodezh' v labirintakh patriotizma.* Eds. E.L. Omel'chenko & H. Pilkington. Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet, 2012, pp. 5–30.
- Omel'chenko E.L. & Pilkington H. (eds.). *S chego nachinaetsia Rodina: molodezh' v labirintakh patriotizma.* Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet, 2012.
- Oushakine S.A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia.* Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- Sperling V. *Nashi Devushki: Gender and Political Youth Activism in Putin's and Medvedev's Russia.* *Post-Soviet Affairs*, 2012, vol. 28, no. 2, pp. 232–261.

ЭО, 2015 г., № 1

© Д.П. Каранов

**ГАЗЕТА “INKERI” КАК СРЕДСТВО
КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Ключевые слова: газета “Inkeri”, конструирование этнической идентичности, ингерманландские финны, финны Петербургской губернии, финская периодика Петербурга, этнокультурное развитие

В работе раскрывается роль газеты “Inkeri” в конструировании идентичности ингерманландских финнов на рубеже XIX–XX вв. Газета представляется изданием, удовлетворявшим информационные потребности ингерманландцев и вместе с тем формировавшим у них общие представления о “себе” и “других”, о “своем” и “чужом”. Выделяется тематика, наиболее существенная для анализа влияния газеты. Отмечены участие и мотивы отдельных персоналий в жизни газеты. Статья основывается на данных, полученных в ходе контент-анализа газеты “Inkeri”, издававшейся в 1884–1905 гг. и в 1907–1917 гг.

Финнов-лютеран, проживавших в сельских окрестностях Санкт-Петербурга, принято называть ингерманландцами или ингерманландскими финнами. Профессор Л.В. Суни дает им такое определение: “одна из групп старожильского финноязычного населения Ленинградской области” (Прибалтийско-финские... 2003: 469). В работах, посвященных истории данной этнической общности, ее генезис связывают с переселенческой политикой Шведского королевства, проводимой им в XVII в. Получив под свой контроль Ижорскую землю (Ингерманландию), шведские власти оказывали давление на местных жителей православного вероисповедания, облагая их налогами и тем самым инициируя бегство части населения в Россию. Опустошенные деревни и брошенные земли Швеция стремились заселить собственными подданными, способствуя активизации миграции из Финляндии. На сегодняшний день в работах, раскрывающих те или иные аспекты истории ингерманландцев, существует прочно укре-